

Тверская, 13, - 2002 - 28 сент. - с. 6

В издательстве «Центрполиграф» вышла книга Иосифа Райхельгауза «Не верю». Это не столько изложение богатой театральными и нетеатральными событиями биографии автора, сколько живое, ироничное и искреннее повествование о людях, с которыми его свела судьба. Среди них - Булат Окуджава и Константин Симонов, Юрий Любимов и Анатолий Эфрос, Андрей Попов, Валентин Гафт, Олег Табаков и многие другие. Серьезные главы перемежаются в книге забавными историями из жизни и театральными анекдотами, воспоминания - размышлениями, редкие архивные снимки - фотографиями из хорошо известных спектаклей, которые уже нельзя увидеть.

СИЛА -

В ИРОНИИ

- Иосиф Леонидович, вы - художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы», а в книге нет главы, посвященной истории создания театра. Почему?

- Потому что книга не окончена, так же как еще не окончена жизнь. Для того чтобы о чем-то писать, должно пройти время, должна возникнуть некоторая отдаленность.

Я не раз рассказывал о том, как начинался театр, но слово произнесенное и слово написанное - это разные вещи. Театр - это живая ежедневная жизнь, моя и моей компании. Превращать ее в предмет художественного выражения и выявления - неверно. Нужно хоть чуть-чуть отойти. Мне намного легче рассказывать о «Современнике», о Таганке. Притом, что герои моих воспоминаний живы, я их воспринимаю как людей другого времени жизни, другого, «того» качества. Была «та» Таганка и «тот» «Современник».

- В вашей книге много анекдотов, в частности, историй о Михаиле Андреевиче Глузском. Не будет ли странным для читателей воспринимать его только как персонаж юмористических рассказов?

- Главное качество Глузского состоит в том, что он до последних минут оставался абсолютно живым человеком. Для меня понятие «живой человек» определяется прежде всего отношением к себе. Я даже вывел формулу: в числителе должна быть самоирония, а в знаменателе - реальное содержание человека. И чем больше самоирония, тем человек для меня мощнее и значительнее.

Количество самоиронии определяет объем человека.

Глузский больше всего шутил по поводу самого себя. Когда его называли знаменитым, выдающимся, он все время сам себя высмеивал. Можно рассказывать о его ролях, но они сняты на пленку, театральные работы отражены в тысячах рецензий на спектакли и даже в научных работах. Что такое Глузский-артист - можно посмотреть и оценить, а Глузский-человек - это картина, складывающаяся из восприятия людей, которые с ним встречались не только на сцене, но и в подъезде, на улице, в кафе...

От него всегда исходил искрометный поток розыгрышей, комментариев, которые превращались в эстрадные номера. Думаю, не будет недостатка в литературе, отражающей место Глузского в русской культуре, а вот напоминать о его человеческих проявлениях можно и нужно.

- Можно ли сказать, что люди, о которых вы пишете в книге, сыграли в вашей творческой биографии значительную роль?

- Безусловно. Естественно, в разной степени. Галина Борисовна Волчек и Олег Павлович Табаков позвали меня студентом пятого курса ГИТИСа работать и ставить в «Современнике», дали место в общезжитии и зарплату. В пер-

вые же дни я стал репетировать три названия: «Из записок Лопатина», «Погода на завтра» и «Эшелон». Я сразу окунулся в ежедневную жизнь большого театра. Конечно, если бы не они, я оказался бы в другом городе, в другом театре, в другой ситуации. Наверное, вся жизнь пошла бы по-другому.

Есть люди, которые буквально не поворачивали мою жизнь, не меняли биографию, и тем не менее они очень много значат для меня. Например, Альберт Филозов. С 1978-го года мы, практически не разлучаясь, работаем вместе. Думаю, такая творческая индивидуальность, такой талант, такой способ мышления оказали на меня колоссальное влияние.

- В книге есть глава о том, как вы «готовили» президентское послание. Прежде чем решиться опубликовать такой материал, вы советовались с реальными персонажами этой истории?

- Я спросил, не принесу ли этим вреда кому-либо.

- Может так случиться, что герои книги будут сильно удивлены тем, как вы описываете ту или иную ситуацию. Вы этого не боитесь?

- Если бы боялся, не стал писать. Хотя я очень хоро-

шо понимаю, что моему в прошлом приятелю Игорю Попову будет неприятно прочесть историю, как он «заимствовал» декорацию у другого художника для спектакля, который уже много лет считается классикой советского театра. Наверное, не все будет приятно читать моему другу Анатолию Васильеву. Но ведь жанр книги предполагает изложение субъективного восприятия событий.

Беседу вела
ЗОЯ ТАРАСОВА

